

## ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ВОЙНА В КОНТЕКСТЕ РЕФЛЕКСИВНО-КУЛЬТУРНОГО ПОДХОДА\*

О. С. Анисимов, С. Н. Глазачев

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва)  
Международная академия наук (Здоровье и экология), Русская секция

### Information and Psychological War in the Context of Reflexive-Cultural Approach

O. S. Anisimov, S. N. Glazachev

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow International Academy of Science, Russian Section

В статье анализируется сущность и особенности информационно-психологической войны как типа войны. Рассматриваются предпосылки становления этого типа войны, факторы успешного противостояния и победы в войне, специфические средства с способы ведения войны. Содержание анализируемого идеального объекта раскрывается в рамках системного и метасистемного подходов с применением базисных средств методологии и парадигмы цивилизационного управления. В качестве материала для анализа привлекаются события на Украине. *Ключевые слова:* цивилизация, система, метасистема, противостояние, субъективность, развитие, лидер, война, тип войны, технология войны, культура, самоорганизация, рефлексия, стратегия, мышление, информация, субъективность, субъективная деформация.

Nature and characteristics of information-psychological war as a type of war are analyzed in the paper. Preconditions for formation of this type of war, confrontation and success factors for winning the war, the specific means to methods of warfare are considered. The content of the ideal object is revealed in the framework of the system and the metasystem approaches using basic tools and methodology and paradigm of civilizational management. As the material for analysis events in Ukraine are used. *Key words:* civilization, a system, metasystem, confrontation, subjectivity, development, leader, war, the type of war, war technology, culture, self-organization, reflection, strategy, thinking, information, subjectivity, subjective distortion.

Для современного аналитика утверждение о том, что мир является единым целым предстает как очевидное. Достаточно сослаться на взгляды М. В. Ломоносова, В. И. Вернадского, Тейяра де Шардена, на результаты раскрытия сущности ноосферного характера цивилизации, например в монографии «Человек и общество: ноосферное развитие», под ред. В. Н. Василенко, С. И. Григорьева, В. И. Патрушева, А. И. Субетто [72], чтобы убедиться в справедливости этого утверждения.

Это целое подчиняется своим специфическим законам. Еще недавно большое значение имел диалектический подход, который предполагал борьбу и единство противоположностей. Диалектическое рассмотрение значимых явлений означает, что необходимо выявление противоположностей и динамики их отношений, как противостояния, так и взаимопринимаемого единства. Если дополнительно учитывать ориентиры системного подхода и различать атрибутивные характеристики «структуры» и «системы», то можно получить важные уточнения. Так системой часто называют упорядоченное множество элементов, взаимодействующих между собой и образующих единства [66]. Более сложным оказалось введение различий системы и структуры. Так В. И. Кремянский структуру понимает как устойчивую выделенность, дискретность частей системы и стадий процессов ее изменения и развития, системную упорядоченность всей совокупности связей, взаимодействий между частями и фазами, законы строения и поведения объекта [49]. М. С. Каган считает, что функция структуры состоит в обеспечении системе внутренней прочности, устойчивости, сопряженности всех ее компонентов, способности противостоять среде в качестве самостоятельного объекта [43]. В свою очередь Г. П. Шедровицкий подчеркивал, что в настоящее время не существует удовлетворительных понятий системы и структуры [73]. Он предлагает использовать принцип: рассмотреть объект в виде системы означает представить его последовательно в четырех категориальных планах: процессов, функциональной структуры, организованности материала, морфологии, а затем разложить план морфологии по указанным планам и продолжать процедуру до тех пор, пока не получится необходимое конкретное представление об объекте (ук. соч. с. 231).

Тем самым, единство мира включает в себя функциональное его предназначение, устройство с разделением на части, функциональные места, их заполнение, вхождение в отношения, порождение динамики в частях и в еди-

\* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект «Экология человека: фактор культуры. Развитие экологической культуры детей и молодежи в информационном обществе» (№ 13-06-00479).

ном при соблюдении законов бытия для целого и частей. Но в динамику универсума входит и динамика отношений и состояний частей, а легко представить, осмысливая эмпирический материал, что отношения разделяются на «отсутствие отношений», при автономизации объектов, на «ситуационно-случайные», на положительные «неслучайные» отношения, например, кооперативные, на «противопоставительные», отрицательные отношения и «псевдокооперативные» отношения, маскирующие отсутствие кооперативных отношений. Так как нас интересует информационно-психологическая война, то наиболее значимыми для анализа выступают противопоставительные и псевдокооперативные, а также псевдоавтономные отношения. Кроме того, в исходных характеристиках различия «систем» и «структур» мы вводим основания следующего типа [14]. Если рассматривать структурные отношения, то необходимо не только ввести ранее автономные единицы во взаимозависимость, но и придать единицам предопределяющую самозначимость, что приводит к допуску в отношениях зависимости от иной единицы, но в пределах сохранения самозначимости единицы. Зависимость предстает как «относительная». В случае системных внутренних отношений каждая часть целого подчинена целому и основанию целого и только в рамках такой подчиненности она входит в отношения со всеми иными частями целого в пределах оставшегося потенциала самозначимости. Все это позволяет уточнить понимание диалектики. «Противоречие «в едином ведет к усилению структурной направленности в устройстве единого, к потенциалу разложения, распада, тогда как «единство» ведет к усилению системной направленности в устройстве единого и потенциалу положительных преобразований, развитию. Универсум совмещает обе направленности, нейтрализует крайние формы отношений и бесконечно воспроизводит себя.

Части универсума уподобляются способу бытия универсума, но имеют свои ограничения по мощности и масштабам воспроизводимости. Поэтому возникают потенциалы не только становления частей, их функционирования, развития, но и редукции бытия, смерти как возврат к «разложности» состава, для того, чтобы подготовиться к новому циклу, начинающегося с вхождения в структурные, а затем и системные отношения и возможностью относительного воспроизводства бытия. Но возникновение выделенных частей имеет свой механизм, состоящий в порождении функциональных мест для частей, «монад» или «идей» Платона в ходе саморазличения, внутреннего разотождествления исходного первооснования, «идеи идей» по Платону, с последующей материализацией этих идей [63]. Механизм усложнения с разотождествлением и вторичным отождествлением результатов разотождествленного, фокусированных противопоставленных подобий исходного единого, раскрыл Гегель в своем методе и его онтологическом применении [32].

Тем самым, в части универсума сохраняется внутренняя диалектика бытия, противоречивая, совмещающая моменты противостояния и кооперативности «начал», которые Аристотель называл. В «Метафизике» сторонами бытия- «формой» и «материей» [25]. Эта диалектическая связь складывается в становлении, проявляется в функционировании, развитии и редукции. Но она предопределяет и вхождение в отношения с иными «нечто», в том числе и противопоставительные отношения. В общественной динамике такие макросистемы, как страна тоже входят в противопоставительные отношения, если страна привлекает этот тип отношений для реализации своей потребительской функции вне учета интересов иной страны. Однако страна может входить в противопоставительные отношения не только в рамках динамики своих интересов, но и следуя содержанию интересов третьей страны. Страна — посредник становится зависимой от устремлений своего патронажа. Именно такое положение дел сложилось в отношениях Украины с Россией. После развала СССР Украину превращали в устремленную от прежних братских отношений с Россией к противопоставительности России ради вхождения в Европейский союз и НАТО. В 2014 году на основе госпереворота накопленное противопоставление оформилось в рассмотрение России в качестве врага. И именно в динамике яркого противостояния новой власти и юговосточной части Украины по поводу статуса русского языка и отношения к перспективе подчинения всей Украины идеологии и организационным формам реализации идей бандеровщины новая русофобская власть вовлекла в братоубийственную войну не только саму юговосточную часть Украины, но и всеми силами осуществляет, как составляющую «обычной» войны, информационно-психологическую войну и против юго-востока, и против России. Она реализует заказ США и Запада в целом, состоящий в максимальном отрыве Украины от славянского мира, от братской России, в том числе и в прагматической ориентации на использование Украины для нейтрализации потенциала единения Европы, для приближения военных баз к границам России и для реализации устремленности оставаться доминирующим звеном в глобальной динамике. Украина стала стратегическим звеном в вытеснении России и в попытках ликвидировать этот источник сдерживания глобального политического и экономического монополизма США.

В протекающем конфликте роль такого слоя войны, как информационно-психологическая война, оказалась настолько высокой, что для понимания ее динамики и прогнозирования будущего возникла потребность раскрыть сущность этого типа войны. Привычным является характеристика войны, данная К. Клаузевицем [49].

Согласно его точке зрения, война это расширенное противоборство. Каждая сторона стремится при помощи насилия принудить другого выполнить свою волю, сокрушить противника, сделать его неспособным ко всякому дальнейшему сопротивлению. Необходимо обезоружить врага, лишить возможности сопротивляться. Применение физического насилия не исключает содействия разума. Обе стороны до последней крайности напрягают усилия. Уровень жестокости определяется как общественным устройством, так и отношениями между воюющими

ми сторонами, хотя это не является присущим войне. В связи с применением насилия война вторгается в область чувств, определяясь устойчивостью враждующих интересов. В применении насилия нет пределов. Изменения, вызванные продолжительностью военных действий, должны ставить противника в еще более невыгодное положение, вплоть до невозможности сопротивляться. Война всегда является столкновением двух живых сил. Для сокрушения противника нужно соизмерять наше усилие с силой сопротивления, размером его средств, волей к победе. Применяемыми силами являются собственно вооруженные силы, страна с населением и ресурсами, союзники. Природа войны не допускает полного и одновременного сбора всех сил, предполагает последовательность столкновений, накопление удач и компенсацию неудач, приходимость к достижению цели войны. Нужно учитывать, что даже побежденная страна часто видит в ней лишь преходящее зло. Важно учитывать пределы потребного напряжения сил. В связи с этим на первый план выдвигается политическая цель войны. Чем менее значительна политическая цель, тем меньшую цену она требует от военного напряжения. Значимым фактором становится тип взаимоотношений двух государств. Война цивилизованных народов всегда проистекает из политического положения. Но политике приходится считаться с природой средства, которым она пользуется. Военное искусство и полководец в каждом отдельном случае вправе требовать от политики, чтобы она не вступала в противоречие с военными средствами. Но нельзя мыслить средство без цели.

Итак, война своей предпосылкой имеет постановку таких целей, достижение которых невозможно без применения насилия, игнорирования полноты интересов противостоящей стороны, преодоления попыток сопротивления насилию, применения тех средств, которые гарантируют эффективность насилия, ликвидацию потенциала сопротивления. Война выступает средством решения задач, стоящих перед государством и страной. Но в любой войне есть функционально различающиеся стороны — «нападающая» и «обороняющаяся». Поскольку война связана с гибелью людей, разрушениями, негативными трансформациями механизма страны, масштабной дестабилизацией всех сфер, вынужденным перенапряжением сил, истощением и т. п., а также последующей мобилизацией сил для восстановления нормального функционирования и развития страны — «жертвы», оставляя в стороне негативные следствия для агрессора, то всегда возникает вопрос об оправданности постановки политических целей для войны. Исторический опыт показывает, что политические цели для вооруженных сил и для соучастия в войне всех сил страны и народа в ней ставятся руководящей элитой, либо исходя из своих эгоистических интересов, либо эгоистических интересов экономической, особенно финансово-торговой элиты, либо эгоистической идеологической элиты и идеологизированной религиозной элиты. В зависимости от общей устремленности к обретению дополнительных ресурсов, к созданию условий для неограниченного их приобретения и получению преимуществ в обогащении, актуального и потенциального, в самореализации в качестве вершителя судеб, «невольника» идеи власти и др. иницилирующая элита превращает воинское сословие, а затем и всю страну в заложников низменных интересов и энергии несправедливости.

Поэтому войны делятся на «справедливые» и «несправедливые». Справедливые войны всегда являются «ответными», для устранения несправедливости, нанесенной агрессором. Но чтобы определить войну справедливой или несправедливой нужен надежный критерий.

Степень надежности критериев тесно связана с мыслительной технологией порождения критериев [17, 73]. Разработка критериев предполагает конкуренцию точек зрения, дискуссии и введение позиции арбитра. Если необходим высший критерий, то можно различить типы уровней арбитража: дотеоретический, теоретический в рамках научной версии, философский, с акцентировкой на содержание мировидения, и методологический, с акцентировкой на средства и механизм порождения высших критериев. Неслучайно, что великие стратеги прошлого опирались на философские онтологии в разъяснениях сущности войны и управления в целом [42]. Тем самым, качество критериев высшего уровня зависит от качества онтологической версии. С учетом результатов немецкой классической философии и результатов методологических разработок конца XX века можно выделить версию Гегеля и ее методологическое оформление в рамках псевдогенетической формы мышления [11]. Диалектическая версия сути бытия, динамика противоречий противостоящих начал опирается на высшее первооснование как потенциальность и ее актуализацию в самодвижении, самораскрытии «абсолютного духа» имеют сущностный механизм активности в порождении и развитии универсума. При конкретизации этой динамики мы приходим к онтологии цивилизации, в которой при типологическом разложении появляются противоположные и промежуточные типы цивилизаций, возникает неизбежность противоречий цивилизационного характера и необходимость обеспечения безопасности в цивилизационном пространстве [6]. При принятии стратегических решений приходится осуществлять соответствующее цивилизационное самоопределение в зависимости от типа цивилизации [5]. Тем самым, высшая критериальность в принятии решений и опознавании типа войны, в частности, опирается на онтологическую версию как основание цивилизационной онтологии, типологии цивилизаций с последующим самоопределением, выбором исходной акцентировки в пользу типа цивилизации, страны, типа предпочтений в принятии решений, проявляя полноту мощи развитого интеллекта, воли и мотивации, мудрости в целом [11].

Используя онтологические средства можно сказать, что справедливой война может быть лишь при следовании законам универсума и защите от нарушителей законов. Однако прямое следование универсумальным зако-

нам является уделом лишь наиболее подготовленным к этому представителям человечества, которые были в давние времена «светлыми» жрецами, волхвами, которые «ведали» законы и у которых не было расхождений между высшим знанием и верованием. Первое усложнение состоит в разделении акцентов в самоопределении, в видении сути бытия. Так как бытие «диалектично», оно имеет противоположные базисные «начала», по Аристотелю — форму и материю, дух и телесность, а в обыденной практике нормы и ресурсы и т. п., то при акцентировке на первоформу возникает «светлый» тип исходных ценностных оснований, а при акцентировке на перво материю возникает «темный» тип исходных ценностных оснований. В рамках акцентировок появляется «своя» справедливость. Так как по содержанию это различные, противоположные «справедливости», то и причины вхождения в войну у них противоположные, иные и технологии войны.

Технологии войны, организация действий сторон зависит от типа самоопределения сторон [20]. На войне есть и наступление, и отступление, и оборона, и маневр и т. п. Характер действий разнотиповых по мировоззрению и мироотношению сторон отличаются друг от друга. Известным принципом князя Святослава была открытость намерений — «иду на Вы!» Подобный момент был характерен для спартанцев, для македонцев времен Александра Великого, для троянцев, для гуннов времен начала похода, до вхождения во власть Аттилы и т. п. в силу их этнического сходства и духовной «светлости».

Однако на войне потенциал победы связан с особенностями притовопоставленности сторон, в которой естественно возникают явления типа хитрости, обмана и др. Сунь-цзы подчеркивал, что хорошо сражается тот, кто управляет противником и не дает ему управлять собой, кто может заманить противника, нанести ему вред, направлять его туда, где сам не находишься, приходиться туда, где он не ожидает, ударять в его пустоту, отвращать от того пути, куда он идет, делиться на части, сохраняя целостность, узнавать его планы с достоинствами и ошибками, узнавая где у него избыток, а где недостаток, придавать своему войску форму в той степени, чтобы даже лазутчик ее не увидел и т. п. [69]. Управление противником для нанесения максимального урона и достижения победы является сущностным положением в противопоставлении, технологическим по своей природе и потому нейтральным. Выход за пределы нейтральности, субъективная значимость участия в войне и нравственная оправданность в нанесении вреда и лишении жизни многих людей проистекает из целей войны, их нравственной оценки, с учетом неслучайной, сущностной картины бытия, которая предопределяет содержание способов «правильной» самоорганизации в каждом функциональном месте. Случайное и неверное по сути понимание звеньев универсума, общества, цивилизации и т. п. порождает иллюзии и предпосылки поражений даже при реалистичности и профессиональности способностей к борьбе. Уже в древние времена большое внимание уделялось способствованию максимальной реалистичности для себя и максимальной иллюзорности для противника. Это можно найти во многих разделах «Артхашастры» и иных руководствах по военному искусству.

Однако одно дело технология военных действий, включающая психотехническое отношение к противнику, и другое дело, когда стереотипы военной психотехники распространяются на мирное бытие, на политические, экономические, идеологические, культурные, духовные и др. составляющие мирной жизни. Конечно, в разных сферах общественного бытия воспроизводятся все типы отношений, включая конфликтные, противопоставительные [24]. Доля конфликтных отношений зависит от типа цивилизационного основания общества. В функциональной картине, онтологии цивилизации мы, на уровне высшей абстракции, вводим три источника активности — самодвижение народа или «социум», с одной стороны, интегральное управление или «правление», с другой стороны, и синтез культуры и духовности или «высшие основания», с третьей стороны. Согласование интересов всех трех выделившихся источников сил, в рамках взаимопризнания, организованное их бытие порождает цивилизационность [9]. В зависимости от типа акцентировки совмещение сил осуществляется по-разному и создает содержание типа цивилизации. Типологическое конструирование может быть все более конкретизированным и использоваться для построения типологического портрета той или иной цивилизации. Если конкретизировать онтологию цивилизации, то выделяются функциональные блоки миров деятельности и экономики, а целое предстает как высшая абстракция, онтология страны. В свою очередь, можно конкретизировать каждый блок и для нашего рассмотрения особую роль играет конкретизация блока экономики в ее капиталистической типологической акцентировке. Его концептуальным проявлением можно взять версию Маркса [8]. Если раскрыть сущностное содержание этой онтологии, соотношение производительного, торгового и финансового капитала, то окажется неизбежной иерархизация капитала и ведущая роль финансового капитала. При его эволюции и вхождении в зону спекулятивной формы проявления именно финансовый капитал не только подчиняет себе другие типы капитала, но и все звенья общества, становящиеся заложниками интересов финансового капитала. Именно эта эволюция и стала причиной не только мировых войн, но и мирового кризиса наших дней. Если же рассмотреть это явление в рамках цивилизационного подхода, то следует считать мировой кризис не финансово-экономическим, а «цивилизационным». Это было нами показано в специальном аналитическом форуме в 2009 году. Такое доопределение существенно меняет содержание пути преодоления кризиса.

Тем самым, «частные» конфликты, возникающие в различных звеньях страны как цивилизационной единицы, тем более в капиталистической экономике, с присутствующими ценностями «прибыли» и «конкуренции», могут

предопределять возникновение интегральных конфликтов, достигая уровня цивилизационных дестабилизаций, создавая почву для перехода конфликта в фазу войны. При типологическом рассмотрении экономического бытия легко заметить различие между капиталистической и противоположной по основаниям социалистической, далее — коммунистической экономиками. Привлекая в качестве средства опознавания отличий и противопоставления типов экономик метасистемное различие «структуры» и «системы», а так же «часть» и «целое», мы получаем следующее утверждение. В капиталистической экономике ответственность за реагирование на спрос берет конкретный субъект или группа субъектов, тогда как в социалистической экономике реагирует на спрос все общество, в лице представителя общества. Как частный носитель собственности капиталист входит в структурные отношения с иными капиталистами, тогда как руководитель предприятия, организации входит в системные отношения с иными руководителями, включается в иерархические отношения в масштабах отрасли и экономики в целом, удерживая ответственность перед целым, имеющим и законодательное обеспечение. Капиталист имеет ответственность лишь перед законом. Тем самым, входя в структурные отношения, капиталист сохраняет приоритет своих интересов и в конкуренции легко переходит в противопоставительные отношения, включаясь, когда это выгодно, в пространство экономических войн. Современные транснациональные корпорации, имея сетевое размещение в глобальном пространстве, теряют необходимость заботы о национальных интересах, легко вовлекаются в глобальные интересы, которые находятся под покровительством мировых финансовых олигархов и в прямом их подчинении [23]. Войны транснациональных корпораций становятся все более жесткими в условиях дорогостоящей конкуренции. Сама корпоративная философия имеет мало общего с ценностями национального государства. В зависимости от своего эгоцентрического интереса ТНК может менять состав своих желаемых и нежелаемых партнеров в своей или чужой стране, способствовать успеху тех партнеров, которые участвуют в военном противостоянии со своей страной. Моральные соображения в таких случаях являются излишними. Они не несут ответственности за пребывания их предприятий в других странах. В то же время, корпоративное единство в рамках агрессивно проявляющейся страны, какой стали в конце XX и начале XXI века США, используя их агрессивный потенциал и различные преимущества в науке, инженерии, финансовом механизме и т. п., ТНК обретают возможность увеличивать прибыль за счет вытеснения конкурентов и контроля над процессом принятия экономических решений, а также за счет политического и военного давления на руководство стран сателитов. Сетевые механизмы управления способствуют реализации сверхидеи мирового лидерства.

Чтобы успешнее реализовывать любую стратегию и иметь субъективную готовность к ее реализации необходим особый психотехнический механизм, воздействующий на участников реализации стратегии, создающий долговременную инерцию положительного отношения к предлагаемым стратегиям, а также механизм психологической коррекции в случаях отклонения мотивации к следованию стратегиям. Это тем более значимо при внесении стратегических и тактических проектов, несоответствующих базисным мотивам тех, кого вовлекают в реализацию неприемлемого замысла. Либеральная установка опирается на принятие человеком предлагаемой культуры и этической парадигмы и любой, в том числе и политэкономической, цивилизационной, предстает для либерала как моральный проект [57]. Но агрессивная по сути установка, связанная с навязыванием чуждой морально-нравственной, культурно-духовной парадигмы, предполагает введение убеждения, переубеждения в плоскость особого типа насилия, если убеждаемый обладает инерцией своей парадигмы и имеет волю и настойчивость в этом процессе. Реализация насильственного замысла требует от агрессора соответствующих технологий, как «мягких», так и «жестких», направленных на субъективную трансформацию, перенаправление сознания, самосознания, самоопределения, воли и мышления в пользу замысла агрессора. Опыт такого корректирования был реализован в истории неоднократно, например в отношении древних персов, болгар, хазар и т. п. Это осуществлялось и в переориентации населения России до и после осуществления революции 1917 года в созидании нового нравственного порядка и ранее в попытках внесения социалистических идей [30]. Подобная практика исходила из искренних надежд на совершенствование общества и человеческого рода как условия и средства достижения удовлетворенности людей в естественных и более высоких потребностях, включая образованность и свободу [47]. Но тип устремлений «светлого» идеолога принципиально отличен от типа устремлений эгоистического лидера, представителя «темных» сил, например, лидера финансово-спекулятивного капитала. Он, как показал К. Маркс, любую среду воспринимает как служебный ресурс, обеспечивающий самодвижение капитала, его безостановочное движение в обороте и в ускорении оборота, в увеличении масштабов оборота [58]. При наличии нормы прибыли, выходящей за определенные границы, капиталист готов нарушить любые социальные и иные нормы. Его обращенность к нормам морали, нравственности, духовности несет прагматический характер, если он сам не стал адептом столь прагматических норм, особенно культурных и духовных. Однако совмещение способностей следовать нормам прагматического и надпрагматического типов является огромной субъективной проблемой, которая в различной степени проявляется в управленческой практике, особенно стратегического управления [16].

Выявление и анализ моральных издержек в прагматизированном и эгоистически ориентированном обществе обычно сопровождался призывами лечения пороков, соотнося попытки коррекции морали с тем или иным мировоззрением, оформлением в ту или иную идеологию [70]. В настоящее время поиск идеологии опирается на

авторитеты науки и религии, снизив авторитет философии, как несправляющейся с решением важной проблемы. Но проблемы такого уровня значимости должны опираться на высшие достижения культуры мышления, на результаты развития современной методологии [2]. В то же время, интерес к данным факторам успеха пока остается явно недостаточным для анализа кризиса идеологий и, в частности, для разработки «идеи России» и последующего создания стратегии цивилизационного развития России [18]. Само стратегическое проектирование может опираться как на неискаженную историческую панораму больших временных масштабов, так и на реализацию цивилизационного подхода в понимании прошлого, настоящего и будущего.

В последние десятилетия в России резко возрос поток книг, в которых преодолевается излишне проявленный акцент на эмпирически значимых представлениях о мире. Идеологический, ценностный, мироотношенческий кризис, вызванный двумя мировыми войнами, возникновением, необычным блестящим бытием приверженцев социалистической и коммунистической идей в рамках марксизма, конкуренцией противостоящих идеологических систем и плохо понятым крахом социалистической системы, пребыванием на грани самоуничтожения в гонке ядерных вооружений, быстрым нарастанием экологического коллапса, взлетом терроризма и др. стимулировал интерес к малознакомым явлениям человеческой психики. Конечно, большинство сведений о надбиологической стороне устройства человека можно было найти в библиотечных фондах и в сообществах эзотериков и мистиков. Но эти сведения не входили в типовой комплекс знаний для общего образования. Один из оригинальных авторов в этом слое знаний, Д. Андреев, испытав все трудности жизни заключенного, смог в самоорганизации вырастить в себе способность «ощущать», пребывать в тех слоях материальности, которая надстроена над биофизическим слоем, в частности в эфирном, астральном слоях, существенно расширив свои знания о себе как человеке и о человечестве в целом [1]. Важнейшая мысль Д. Андреева, с нашей точки зрения, состоит в том, что души продолжают свое специфическое бытие, включены в общечеловеческое бытие, реализуют рефлексивную функцию на стратегическом уровне, стимулируя общее движение противоречивой цивилизации на земле. Именно иерархии духов в своем влиянии на носителей и биофизической материальности и друг на друга порождают исторический эффект, реальную историческую динамику. Носители биофизической материальности предстают как «исполнительские» звенья каждой из двух «команд человечества», «светлой» и «темной». Для сознательного соучастия и внесения вклада в исторический процесс необходимо пройти путь обретения способности видеть многослойно-материальное устройство мира и корректной самоорганизации своего соучастия, привлекая свой «вещный», «энергетический» и «информационный» ресурс. Для руководства этим процессом можно воспользоваться содержанием крайне важной книги Гегеля, учением о духе [33]. Полезной и направляющей предстанет и учение Конфуция о совершенствовании и совершенстве [48]. Общий принцип, вытекающий из диалектического мировоззрения и его уточнения до противоречий цивилизационного характера, в том числе и культурно-духовных противоречий, выявление источников противоречий нашего времени, в которых особую роль играет спекулятивная экономика, позволяет видеть факторы субъективных следствий воздействия спекулятивной «ценности». Она может быть понята как проявление демонических сил разного уровня. Их представленность в функциональном слое культуры позволяет трактовать негативные явления как процесс фальсификации культурных ценностей в глобальных масштабах [67]. Инициаторами фальсификации выступают узкие круги, стремящиеся закрепить инволюцию культуры, выводя изменения в ней из общественного контроля. Тем самым, в культурном пространстве противостоят силы разной направленности и доминирующими предстают те, которые против позитивного диалога культур с сохранением их положительной содержательной оригинальности при установлении общих принципов существования в контексте национальной безопасности.

Культура непосредственно связана с информацией и предстает и как информационная система, реализующая функции накопления, сохранения, преобразования результатов особого типа творчества с помощью знаковых средств [45]. Но культура это не только сама по себе информация, но и зависящая от специфики информации и ее уровня абстрактности источник мотивационно-энергетического самоотношения и самовыражения. Гегель особо подчеркивал роль абстрактности в трансформации субъективных механизмов, чувств, воли, мышления [33]. Поэтому для него культура, с ее высшей абстрактной основой, является фактором освобождения субъективности и ее проявлений от случайности. Она ведет народ к стремлению обладать бесконечно ценным, абсолютным ощущением себя, наслаждаться сущностью в собственном существовании. Она вносит в любой материал формальную всеобщность, очищает от грубости, случайности и материал, и человека, пользующегося «очищенным» материалом, предметом культуры. Иначе говоря, придавая любому материалу признаки всеобщего, субъективно существенно, человек порождает культурный объект, приобретение способности к адекватному пользованию которым приводит к созиданию культурных качеств и этим культурное возвышение человека. Информация, несущая фиксированность абстрактного содержания, превращается в организатора субъективных трансформаций в ходе окультуривания.

Но тогда внесение искажений в содержание культурных объектов, в культурную информацию, при сохранении способов культурной трансляции, является процессом внесения искажений в трансформацию субъективных способностей. Конструктор искажений и подмен высшей неслучайности в содержании единиц культуры момента-

ми случайного выступает агентом демонических сил, пользующимся доверием к культурному статусу внедряемых единиц. Практика внесения деформаций культурных содержаний в развитое информационное общество, совершенствование манипулятивных технологий неизбежно ставить общество перед необходимостью культурно-информационной защиты [45]. Человечество непосредственно столкнулось с глобальной угрозой манипулятивного управления сознанием, как в слое решения обыденных задач, так и в культурном самовыражении [44].

В настоящее время против России развернута беспрецедентная информационно-психологическая война. В постсоветский период атлантическое сообщество, под руководством и по инициативе США, предприняло гигантские усилия по переплавке сознания населения бывших членов сообщества социалистических стран и населения бывших советских республик в пользу откровенной русофобии. В наиболее яркой форме результаты информационно-психологической войны проявились на Украине [46]. В качестве средств борьбы используются все уровни информационно-психологического воздействия, в том числе и культурного характера, опирающиеся на соответствующие искажения в содержании культурных единиц. В контексте борьбы культура всегда была орудием сильнейшего и орудием в рамках манипулятивных технологий [29]. Пользуясь потенциалом культуры и близких к ней слоев интеллектуально-чувственных инструментов США создали индустрию трансформации сознания. В частности американские телепрограммы и фильмы заняли три четверти мирового кинорынка, рекламируя американский образ жизни и мысли, создали установки на предпочтение в получении образования именно в США и т. п. [71]. Сама американская культура и стиль жизни имеет в своей основе иллюзорные обещания изобилия, соблазны к обогащению, заражение пороками, изображаемыми как добродетели и проявления свободы личности [40]. Поэтому Е. А. Ходаковский справедливо утверждает, что пора прервать инерцию бесплодных попыток заимствования и навязывания собственными силами чуждых идеалов и ценностей и определять свой путь, исходя из особенностей своего культурно-духовного кода.

Имея в виду эмпирические фиксации информационно-психологических усилий в ведении современных войн остановимся на сущностных особенностях войн, базисной акцентировкой которых выступает именно информационно-психологическое воздействие на противника. Из общей характеристики войны мы видим, что в войне осуществляется насильственное принуждение агрессором к такому поведению жертвы, которое соответствует заказу на войну со стороны руководства страны. Если это удастся, то страна, как жертва, вопреки своим интересам, отчуждает от себя приемлемый для страны, как агрессора, объем и качество ресурса, входящий в реестр актуально или возможно необходимого для себя в рамках притязаний на «чужое добро». Вооруженные силы противоборствующих стран реализуют свой актуальный и потенциальный, за счет привлечения внутренних ресурсов стран, массив сил и средств борьбы с установкой на «победу», лишение возможности и желания противодействовать соответствующему противнику в нападении или в защите. Интенсивность противоборства определяется функцией защиты жертвой своей самостоятельности в функционировании и развитии, в преследовании своих интересов, признаваемых или не признаваемых извне, реализуемой в масштабах сложившихся стереотипов оборонного поведения, наличия субъективного и объективного потенциала сопротивления и т. п., а также в зависимости от субъективной настроенности на завершаемость агрессивного поведения и его объективного обеспечения. В войне соотношение субъективного и объективного факторов, организационно-управленческого, средственно-технологического и исполнительского факторов обычно складывается в пользу усилий иерархии командиров и обеспеченности средствами уничтожения. Но при всех равных условиях достижение победы зависит от желания и умения воина противостоять насильственным действиям противника с использованием приданных ему средств ведения боя и всей последовательности боев. Во все времена военных противостояний указанный субъективный фактор имел очевидную значимость. В обязанности командиров входило воодушевление своих воинов, способствование преодолению страха перед угрозой смерти, придание отношениям между воинами характера сплоченности и коллективной уверенности в победе и т. п. В обязанности лидеров страны входило обеспечение готовности к вступлению в ряды армии, к всемерной поддержке усилий армии, к настрою народа на достижение победы и уверенности в нужности войны.

Следовательно, совокупность действий всех сторон противоборства, направленных на снижение субъективной способности воинов, командиров, народа, руководителем страны противника к противоборству входит в рамку осуществления субъективной переориентации от активного участия в достижении победы своей армией, находящейся на линии противостояния, к самоотстранению от борьбы и даже к переходу в лагерь противника, что и является исходной целью информационно-психологических операций. Такие операции приносят надежность в естественный процесс переориентации воинов в пользу противника, происходящий под давлением противника и при субъективной склонности к преувеличению опасностей и к предпочтению индивидуальной выживаемости над необходимостью индивидуального вклада в победу. Если организация войны, со стороны идеологов и стратегов, опирается на зависимость успеха и победы от успеха в осуществлении указанной переориентации, то война приобретает признаки «информационно-психологической войны».

Если субъективная оценка противоборства стран и придание ей масштабов населения страны в целом, касающейся всех слоев населения, лежит в основе планирования войны, то следует предполагать в качестве базисно-

го процесса целостное пересамопределение относительно образа страны, использование в качестве критериев фундаментальных представлений о «добре» и «зле», конкретизируемых в основных функциональных блоках устройства страны. Чтобы прийти к переоценке житель страны должен выявить для себя соответствие бытия страны и всех ее блоков содержанию негативного критерия, «зла», которого раньше не замечал или мирился с ним. Тем самым, может быть случай преодоления ошибки в воззрениях, но может быть и накопление ошибочности, которое не распознается жителем. Но случайность содержания «зла» или «добра», которые несет в себе человек, также как случайность оценки содержания критерия, зависят от интеллектуального и социокультурного опыта, от среды значимого общения, опыта рефлексии оценочных и познавательных действий, от особенностей склонностей и предрасположенностей конкретного человека, от его профессии и профессиональной среды. Преодоление случайностей в массиве познания и оценивания опирается на особую практику, в которой ставятся цели надежного увеличения потенциала неслучайности и истинности воззрений, чистоты интеллектуальных и мотивационных ориентиров, практику окультуривания [19]. Однако успешное прохождение пути в специальных, модельных условиях является уделом немногих. Остальные находятся преимущественно в зоне накапливания случайного, в том числе случайного преодоления моментов случайности в своем совершенствовании.

Если совместить исходную инициацию агрессора в информационно-психологической войне, сводящуюся к такому воздействию на субъективный механизм представителей стран-жертвы, чтобы он смог воспринять предлагаемое агрессором как «добро», а характерное для субъективных устремленностей в стране — жертве как «зло», с проектом жалаемых для агрессора способов поведения, то в проект наступательных действий агрессора должны быть включено не прямое насилие, а видимость «помощи» жертве в «прозрении», в отстранении от «неверных» взглядов и субъективных отношений ко всем компонентам картины реальности, значимым для самокоррекции прежнего поведения. Для получения массового эффекта смены видения реальности и характера оценок привлекаются все типичные механизмы массового воздействия, СМИ, соответствующим образом сконструированное сценарирование воздействий массовой культуры, подготовка ярких и принятых в массе населения, но готовые за увеличенное вознаграждение реализовывать любые сценарии выступлений перед публикой, мастеров всех значимых для воздействия жанров, привлечение политиков, ученых, аналитиков, лидеров популярных сообществ, готовых для достижения своих индивидуальных, чаще — именно эгоцентрических целей, следовать информационно-психологическим проектам, опирающимся на их самовыражение и т. п.

Тем самым, творческое самовыражение становится средством решения спекулятивно-психологических задач. Обладающий творческим потенциалом ставится перед выбором между устремленностью на психокоррекционное воздействие благородной направленности, ради роста нравственных и общекультурных качеств, с одной стороны, и воздействие, снижающее уровень развитости субъективных качеств, искривляющее нравственные и культурные ориентации. Внося вклад в отрицательные психокоррекционные результаты, касающиеся других корректор стимулирует собственное нравственное и общекультурное «падение». Иначе говоря, решение отрицательных психокоррекционных задач создает внешнее и внутреннее «заражение» инерцией воспроизводства участия в спекулятивной субъективной деятельности. Для придания устойчивости и надежности базисному процессу, в рамках получения «достойного вознаграждения» за труд, психокорректор любого типа включает в качестве стабилизирующих и укрепляющих факторов все доступные социальные механизмы, подстраивая их под особенности решаемых задач. Входя в отношения с представителями механизмов он вынужден искать все способы привлечения и убеждения этих представителей стать партнерами негативного воздействия, внося и в них субъективно-нравственную заразу. В информационно-психологической войне отрицательно-коррекционные воздействия агрессора и его специфического воинства непосредственно связаны с высшими формами самоопределения, прежде всего относительно включенности в войну между странами. Однако представитель агрессора распределяет размеры воздействия, их силу в зависимости от реализуемого им проекта прихода к «главному» эффекту, переориентации сознания противника в пользу исключения противника из борьбы и переход на сторону противостоящей стороны.

Опыт «украинской весны», а также периодов переориентации до шаша на Майдане, после взятия власти и во время «контртеррористической «операции продемонстрировал все эти особенности такой войны. Сначала «Майдан» выглядел вполне интеллектуально, самовыражением оппозиционных сил, желавших отстранить от власти надоевший олигархический режим мирным путем. Реальные манипуляторы вносили свой вклад, соизмеряясь с динамикой демократического самовыражения масс. Лишь «разогрев» массы, используя магию прекрасных песен, доведя воздействие на жителей страны до инерции сочувствия и вовлечение в «благородную» перспективу избавления от скверны, манипуляторы и их обслуживающие экстремисты, подготовленные боевики стали перехватывать инициативу, переходя от лирики песен к жесткой конфронтации и ручной фазе противостояния. Количество отрицательного, «темного» духа быстро переходило к качеству и оставалось лишь включить в арсенал борьбы и убийство людей. Оно уже накопило запас своего субъективного обоснования. Но здесь риторика изменила свою функцию. Понимаемая и принимаемая по содержанию, тесно связанная с наблюдаемыми и известными большинству фактами того «зла», против которого созидалось противостояние, она стала смещаться в сторону интерсивного и ритуального введения правильных по содержанию утверждений с полнотой их неподтверждаемости. Весь поток тотального по объему вы-



сказываний об интервенции России, о наличии российских войск на юговостоке, о необходимости защиты населения юговостока от экстремистов, сепаратистов, террористов, жульничестве российских компаний, желании России захватить Украину и т. п. является шедевром информационной спекуляции, сравнявшийся по степени лжи, интенсивности, масштабности с аналогичным враньем Гебельса во время второй мировой войны, может быть и превзошедшего его. Множество сторон информационно-психологического воздействия дополняется практикой открытого, демонстративного воздействия и насилия над противниками режима, над всеми средствами психологического воздействия, действующими в разрез основной линии агрессивной политики.

Информационно-психологическое воздействие дает заметные результаты и многолетняя подготовка сознания масс в нужном для агрессора направлении, дополняемая сверхинтенсивным воздействием в настоящее время привело к доверию лжи, часто искреннему сочувствию словам, имеющим положительное содержание, но никак не отражающими реальное положение дел. Даже очевидны следствия военного поражения армии и всех иных типов вооруженных формирований, забота о возвращении сыновей и отцов с фронта трактуется не как вывод людей с полей несправедливой войны с городами и мирным населением, а как плохое обеспечение воинов, как необходимость полного, качественного обеспечения для продолжения войны, как плохое управление военными действиями, использование тяжелого вооружения, включая танки, самолеты, ракеты. Юго-восток остается для них территорией господства террористов и сепаратистов.

Тем самым, отрава стала эффективной для преобладающей части населения Украины, особенно в тех областях, где эта отрава имела свое воздействие в более далекие времена, где остались представители межнационального, межрелигиозного подлинного экстремизма и национал-фашизма. Переориентированные представители славянства трансформировали свой психологический и культурно-духовный код и стали либо соучастниками антиславянского наступления, либо ревностными служителями антиславянской идеи. Даже ритуальные опоры на князя Святослава помещены в контекст способов поведения, противоположные тем, которые были присущи великому защитнику древней духовности, несущей чистоту силы и мысли, ее адекватность законам бытия.

Мы видим, что если обычная война несет жертве великие потрясения и потери, хотя и сопровождается потрясениями и жертвами со стороны агрессора, то информационно-психологическая война связана с колоссальными трансформациями массового сознания, искривлениями, инвалидизациями, утерей понимания реальности, готовностью нанесения вреда как субъективного, так и вполне телесного, субъективным усилением участия в обычных войнах, причем на стороне сил несправедливости. С точки зрения экологической парадигмы она порождает особый тип экологических проблем в ноосфере, в ментальном, эфирном, астральном мирах [3, 34, 60]. Экологическая картина мира не сводится к вопросам путей нанесения вреда природе. Она включает соучастие человеческого сознания, самосознания, умопостижения реальности, мироотношения в рамках религиозного самоотношения и отношения к универсуму, цивилизационного и общедуховного, в которых также имеется потенциал искривлений, извращений и необходимость очищения высших представлений, ориентиров и отношений [21, 31, 35]. Драмы современной социокультурной реальности предполагают анализ не отдельных сторон сложного общественного и социоприродного бытия, а реконструкции единой динамики бытия, ее противоречий, источников положительного и отрицательного воздействия на динамику, переход к прогнозированию, выявление положительных для человечества и отрицательных перспектив и форм соучастия в порождении положительных исходов для человечества [72].

При рассмотрении вопросов экологии мы встречаемся с различием противоположных моментов. С одной стороны, это нарушение равновесия в системной реальности, деформация систем и макросистем, их «засорение» тем, что неприемлемо для систем, переход к разрушению систем, а, с другой стороны, это не только восстановление системного бытия, экологического благополучия в соотношениях систем и их средовых окружений. В этом восстановлении выделяется момент восстановления безопасного воспроизводства бытия систем. Если мы говорим о войне и, в том числе, об информационно-психологической войне, то в них осуществляется динамика противостояния усилий, направленных на деструкцию, разрушение противостоящей агрессии силы, и усилий по восстановлению воспроизводства системного бытия на стадии противостояния жертвы разрушающим воздействиям. Агрессор разрушает воспроизводство приемлемого для жертвы способа и содержания субъективного бытия, стремясь заменить желаемым для себя способом и содержанием субъективного бытия. Жертва противостоит воздействию, стремится его разрушить для создания условий восстановления прежнего способа и содержания приемлемого для себя субъективного бытия. Иначе говоря, субъективный и иные слои бытия противопоставлены так, чтобы от этого зависела победа той или другой стороны, в масштабах страны.

Поэтому борьба параллельно идет за разрушение и за сохранение безопасности конкурирующих сторон [65]. Учитывая, согласно упомянутому онтологическому тезису Аристотеля, что любое «нечто» или система в своем воспроизводстве предполагает подчинение материи форме, а при развитии подчинение материи допустимым качественным преобразованиям материи, сохранение безопасности прежде всего зависит от сохранности форм при негативных влияниях внутренних или внешних факторов. Так в условиях общества прагматической формой его организации предстает, в частности, конституция, а надпрагматические формным основанием является культурно-духовная идея, культурно-духовный код, лежащий в основе цивилизационной идентичности страны [13]. В

силу разнородности функционального устройства страны как цивилизационной единицы безопасность страны возникает при совмещении всех типов безопасности, соответствующих особенностям функциональных блоков и в системной соорганизации механизмов безопасности. Это предопределяет сложность постановки и решение проблем безопасности для страны [7, 41, 61, 62].

Особое место в общей целостности обеспечения безопасности имеет достижение информационной и информационно-психологической безопасности [38]. Различие и взаимосвязанность информационной и информационно-психологической безопасности состоит в том, что информационная безопасность делает акцент на недопущении отрицательной информации в базисный интеллектуальный процесс, включая дезинформацию и др. интеллектуальные проявления противника, в механизм принятия решений, на недостижение положительной о себе, своих замыслов и др. информации, могущей усилить противника и ослабить свое положение. Информационно-психологическая безопасность делает акцент на информационную самоорганизацию участников противостояния со своей стороны, обеспечивающую информационный реализм, истинность в понимании информации, в ее оценке, отсутствие иллюзий, максимальную эффективность в ее использовании в ходе принятия решений, а также в создании условий для противника, чтобы он либо не знал истинного положения дел, приходил к решениям, ослабляющим силу его боевого действия и т. п., либо приходил к изменению самоорганизационных установок в направленности на прекращение своей активности и иным формам, исключающим нанесение вреда в интеллектуальном и мотивационном слое противодействия.

Если обратиться к согласовательным процессам в коррекции отношений в противодействиях, инициированных той или иной стороной и приемлемых противостоящей стороной, либо в противостояниях с адептами противника на своей территории, исход которых влияет на общее защитное или наступательное настроение своего населения страны жертвы, то возникает вопрос о факторах усиления положительного эффекта и достижения убеждения сторонников интересов страны либо поражения сторонников противника. В интеллектуальном взаимодействии с положительными или отрицательными целями, особенно стимулирующем эффект массового корректирования субъективной направленности в рамках противостояния стран, особую роль играют средства интеллектуально-мотивационного корректирования и способы их применения. Они функционально имеют две направленности для решения задач по противоборству, положительную для себя и отрицательную для противника, как и любое средство в функции оружия. В интеллектуальном аспекте это высшие абстракции, понятия, категории, онтологии, а в мотивационном аспекте это ценности, идеалы [16]. От полноты соответствия истине и наличия способности к следованию идее истинности зависит и мощь таких средств, и потенциал самого мыслящего борца. Как правило, манипулятивный характер использования языковых средств присущ агрессору, тогда как жертва обретает эффективность в установке на реалистичность и истинность содержания интеллектуально-мотивационного оружия. Манипулятивные аспекты были рассмотрены еще А. А. Богдановым в рамках организационного подхода [27, 28]. Многие моменты были рассмотрены В. А. Лефевром [54]. Однако в дискуссиях, в том числе при применении противником манипулятивных технологий, решающую роль в победе представителя страны-жертвы играет как применение наиболее мощных языковых средств в позиции арбитра, так и следование логическим формам применения этих средств [17]. Практика моделирования самых сложных форм дискуссий показала, что для выявления манипулятивных шагов и их нейтрализации особую роль играет применение метода «псевдогенеза», основу которого предложил Гегель, назвав его «абсолютным методом», адекватным идее истинности содержания мысли [10]. Тем самым, в интеллектуально и мотивационном противоборстве культура мышления и ее высшие формы, при следовании мотивационной культуре, является решающим условием победы в демонстративных типах дискуссий, прежде всего с внутренним врагом, представителями «пятой колонны». Манипулятивно ориентированное мышление и сознание не может возвыситься до разумного мышления, оставаясь, в лучшем случае, на уровне рассудочного мышления. Этим мыслителям мешает эгоцентрическая ориентация в самоорганизации. Само различие «рассудочного» и «разумного» уровней мышления, данное в работах Канта и Гегеля, остается в сознании аналитиков и философов крайне неопределенным, в то же время, с методологической точки зрения оно является судьбоносным [15]. Поэтому внесение данного различия в содержание общего управленческого и аналитического образования, прежде всего стратегической направленности, является особенно необходимым в рамках интеллектуального противоборства. В частности, на поле противостояния в случае Украины, где мобилизовались внутриукраинские и «западные» манипулятивные силы, информационно-психологическая война шла самым неблагоприятным для России образом и она пока остается проигранной. Действия России на информационном фронте носит больше оборонительный и «позиционный» характер при всей очевидности справедливой содержательности. Чтобы перехватить инициативу необходимо придать борьбе не только активный характер, но и иной уровень глубины обоснований. Фактически не введены средства цивилизационной аналитики, дающие, при использовании исторического материала достаточной отдаленности от настоящего времени, аргументы высокой эффективности в убедительности. В то же время, в последнее время исторические разработки дают картину цивилизационной динамики не только со времен Великого князя Святослава, с его противостоянием трем мощным силам противника — иудейской Хазарии, Византии и папской западной Европы, осуществлявшей «зачистку» славянского мира, но и линии изменений цивилизации за 100 тысяч лет [36, 64, 68]. Кроме того, не используется самый значимый и мощный слой анализа при использовании метафизических средств мышления.

Опыт применения методологически оформленных средств этого типа в рамках разумного мышления показал огромные преимущества в проведении дискуссий по сюжетам исторического процесса [12].

Однако в решении аналитических и стратегических задач успешность зависит от уровня развитости рефлексивного мышления, культуры рефлексивной самоорганизации аналитика и стратега, участника интеллектуального противоборства. Великий стратег и мыслитель древнего Китая Сунь — цзы подчеркивал, что победа начинается с победы в уме [69]. Он вводил онтологические основания в обсуждение «правил войны», демонстрируя реализацию требований к высшим руководителям, изложенные, например, Платоном, Конфуцием. Совмещение возможностей высших языковых инструментов и мотивационной культуры дает великую перспективу в борьбе «светлых» сил против цивилизационных противников и в настоящем, и в будущем, тем более опираясь на наш культурно-духовный код [11].

В последнее время обращение к механизму рефлексии для анализа проблем безопасности стало более систематическим [39, 52, 56]. Рефлексивный подход помогает в моделировании конфликтов и их преодоления [4, 51, 53].

Осознание аналитическими средами сложности проблем и зависимости потенциала их разрешения в условиях современной конфликтной динамики от факторов рефлексивного и культурного типа позволяет по новому ставить вопросы организационной интеграции аналитических сил [26, 50, 55]. Однако в аналитике, включенной в крупномасштабные противостояния стран, как и в любой работе, есть моменты «количества» и «качества» усилий. На проблемы качества в инженерии и т. п. сферах сложной интеллектуальной работы, обращается значительное внимание, хотя и не со стороны культуры мышления. А в аналитике, в теоретических разработках в науке, даже в философско-онтологических разработках отношение к качеству остается поверхностным. Поэтому если мы, опираясь на сознание своей правоты, следование ценностям истины не изменим положение, то с реализуемым укладом, при всей талантливости наших умов, стратегическую инициативу в цивилизационном противостоянии мы не сможем взять. Нам нужен иного уровня технологический уклад в интеллектуальной работе, прежде всего в аналитике и принятии решений [22].

В рамках иного технологического уклада необходимо в управлении информационно-психологической войной как специфического типа войны и в контексте единого пространства противостояния, выполнить типовые требования к стратегической работе [37]: определение противника, его целей и возможностей, характера его действий; определение своих целей и возможностей; организация разведки и контрразведки по выявлению возможностей противника; определение средств, способов, направлений для сосредоточения основных усилий; распределение своих возможностей по намеченным целям; определение задач частным силам в реализации промежуточных и конечной целей; определение союзников и их привлечение к достижению целей. Следует только учитывать специфику именно информационно-психологической войны, т. е. протекающей в основном в рефлексивном пространстве, в непосредственном и дистанционном соприкосновении.

#### Литература

1. Андреев Д. Роза мира. Метафилософия истории. М., 1991.
2. Анисимов О. С. Методология на рубеже веков (к 50-летию ММК). М., 2004.
3. Анисимов О. С., Глазачев С. Н. Экологическая культура: восхождение к духу. М., 2005.
4. Анисимов О. С. Развивающие игры. Игротехника. Развитие: в двух томах. М., 2006.
5. Анисимов О. С. Стратегическое управление и государственное мышление. М., 2006.
6. Анисимов О. С. Цивилизационная безопасность: сущность и становление. М., 2008.
7. Анисимов О. С. Методология безопасности. М., 2009.
8. Анисимов О. С. Псевдогенетический метод и экономическая онтология (версия Маркса). М., 2009.
9. Анисимов О. С. Мышление стратега: модельные сюжеты. М., 2010. Вып. 13 История: цивилизационный подход.
10. Анисимов О. С. Мышление стратега: модельные сюжеты. М., 2010. Вып. 20 «Абсолютный метод» и философское мышление.
11. Анисимов О. С. Мышление стратега: модельные сюжеты. М. 2011. Вып. 25 Правитель: ум и мудрость.
12. Анисимов О. С. Мышление стратега: модельные сюжеты. М. 2011. Вып. 26. Историческая аналитика в позиции стратега.
13. Анисимов О. С. Стратегическое мышление: базисные средства. М., 2011.
14. Анисимов О. С. Структура. Система. Метасистема. М., 2011.
15. Анисимов О. С. Стратегическое мышление: проблема достижения разумного уровня. М., 2012.
16. Анисимов О. С. Культура и духовность в мышлении стратега. М., 2012.
17. Анисимов О. С. Мышление: сущность и развитие. М., 2012.
18. Анисимов О. С. Мышление стратега: модельные сюжеты. М., 2012. Вып. 30 Разумная стратегия: опыт и проблемы.
19. Анисимов О. С. Мышление стратега: модельные сюжеты. М., 2013. Вып. 32 Рефлексивная самоорганизация в самопреодолении: путь к логическому и духовному.
20. Анисимов О. С. Войны: сущность, типы, стратегии, технологии. М., 2013.
21. Анисимов О. С., Глазачев С. Н. Экологическая культура мышления: моделирование развития // ЭПНИ «Вестник Международной академии наук. Русская секция» (Электронный ресурс), 2013. №1: 5-15. Режим доступа: <http://www.heraldrsias.ru/online/2013/1/263/>
22. Анисимов О. С. Аналитика: зов перепарадигматизации. М., 2014.
23. Антонович И. И. Корпоративная власть и сетевые войны // Пространство и время. 2014; 1 (15).
24. Анцупов А. Я., Шиишлов А. Я. Конфликтология. СПб., 2013.
25. Аристотель. Сочинения в четырех томах. М., 1976; Том 1.
26. Белозеров В. К., Беляева А. П. Военные детерминанты развития фабрик мысли в США // Экономика обороны и безопасности и аналитика/ Под редакцией А. Н. Канышина. М. 2013.

27. Бледный С. Н. Рефлексивные аспекты теории манипулятивного управления А. А. Богданова // Рефлексивные процессы в управлении / Под редакцией В. Е. Лепского. М., 2013.
28. Богданов А. А. Тектология: всеобщая организационная наука. М. 1989. В двух томах. Кн. 1.
29. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб., 2001.
30. Волгин В. П. Роберт Оуэн // Очерк истории социалистических идей. Первая половина XIX века. М., 1976.
31. Гагарин А. В., Глазачев С. Н. Экологическая акмеология. Педагогическая адаптация. М., 2012.
32. Гегель. Наука логики. М., 1970-1972; Тома 1-3.
33. Гегель. Философия духа. М., 1977.
34. Глазачев С. Н., Козлова О. Н. Экологическая культура. М., 1997.
35. Глазачев С. Н. Экологическая культура учителя. М., 1998.
36. Демин В. М. От ариев к русичам. М. — Омск, 2005.
37. Демин В. М. Война и вооруженная борьба. Основы русской национальной военной науки. М. — Омск, 2005.
38. Дербин Е. А. Информационная безопасность союзного государства как основа его обороноспособности в условиях не прямых действий противника // Вестник академии военных наук. М. 2009. N2.
39. Дубовский С. В. Возникновение кризисов Кондратьева как следствие массовой ложной рефлексии // Рефлексивные процессы и управление / Под редакцией В. Е. Лепского. М., 2013.
40. Зиновьев А. А. На пути к сверхобществу. СПб., 2004.
41. Жмеринский В. Ф., Летуновский В. В., Полулях К. Д. Теория безопасности социальных систем. М., 2010.
42. Искусство управления. Китайская классика / Новые переводы В. В. Малявина. М., 2004.
43. Казан М. С. Система и структура // Системные исследования. Методологические проблемы. М., 1983.
44. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. М., 2000.
45. Колин К. К., Урсул А. Д. Философия информации и становление информационной культурологии // Информация и научное мировоззрение. М., 2013.
46. Комлева Н. А. Украинский кризис как элемент «тактики анаконды» // Пространство и время. 2014; 2 (16).
47. Кондорсэ Ж. А. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. М., 1936.
48. Конфуций. Уроки мудрости. М. — Харьков, 2001.
49. Кремянский В. И. Структурные уровни живой материи. М., 1969.
50. Курносоев Ю. Аналитика как интеллектуальное оружие. М., 2012.
51. Лепский В. Е. Стратегические рефлексивные игры — социогуманитарные технологии сборки субъектов российского развития // Рефлексивные процессы и управление / Под редакцией В. Е. Лепского. М., 2011.
52. Лепский В. Е. Рефлексивные аспекты совершенствования системы национальной безопасности России // Рефлексивный подход: от методологии к практике / Под редакцией В. Е. Лепского. М., 2009.
53. Лефевр В. А. Лекции по теории рефлексивных игр. М., 2003.
54. Лефевр В. А. Рефлексия. М., 2003.
55. Малинецкий Г. Г. Управление рисками в оборонном комплексе России // Экономика обороны и безопасности и аналитика / Под редакцией А. Н. Канышина. М., 2013.
56. Малков С. Ю. Модель принятия решения об эскалации (деэскалации) конфликта с учетом рефлексивных аспектов // Рефлексивный подход: от методологии к практике / Под редакцией В. Е. Лепского. М., 2009.
57. Маннгейм К. Идеология и утопия // Утопия и утопическое мышление. М., 1991.
58. Маркс К. Капитал. М. 1978; Том 1.
59. Методологические проблемы системного подхода к информации. М., 1977.
60. Моисеев Н. Н. Время определять национальные цели. М., 1997.
61. Пилипенко В. Ф. Безопасность: теория, парадигма, концепция, культура. М., 2005.
62. Пирумов В. С. Безопасность социума. Системный подход. М., 2004.
63. Платон. Собрание сочинений в четырех томах. М., 1990; Том 1.
64. Прозоров А. Князь Святослав: Иду на Вы. М., 2013.
65. Рыбалкин Н. Н. Философия безопасности. М., 2006.
66. Садовский В. Н. Основания общей теории систем: логико-методологический анализ. М., 1974.
67. Сараф М. Я. Системные противоречия культурного пространства, перспективы и опасности его трансформации // Пространство и время. 2013; 3 (13).
68. Светозар Быстьтворь бытие и творение русов и ариев. М., 2011—2012. Тома 1—2.
69. Суть-цзы. Искусство войны. Антология военной мысли. Древний мир. СПб., 2000.
70. Фишман А. Г. Кризис морали как кризис идеологий // Пространство и время. 2014; 1 (15).
71. Ходаковский Е. А. Третья Отечественная Третьего Рима: битва за Новороссию // Пространство и время. 2014; 2 (16).
72. Человек и общество: ноосферное развитие / Под редакцией академиков В. Н. Василенко, С. И. Григорьева, В. И. Патрушева, А. И. Субетто. М. — Белгород, 2010.
73. Щедровицкий Г. П. Организационно-деятельностная игра / Из архива Г. П. Щедровицкого. — М., 2004—2005. Т. 9 (1—2).

#### Сведения об авторах:

**Анисимов Олег Сергеевич** — доктор психологических наук, профессор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва).  
E-mail: humani12@mail.ru

**Глазачев Станислав Николаевич** — доктор педагогических наук, профессор, заслуженный работник ВШ РФ, Лауреат Премии Правительства РФ в области образования, академик-секретарь Отделения экологии Международной академии наук (Здоровье и экология), Русская секция